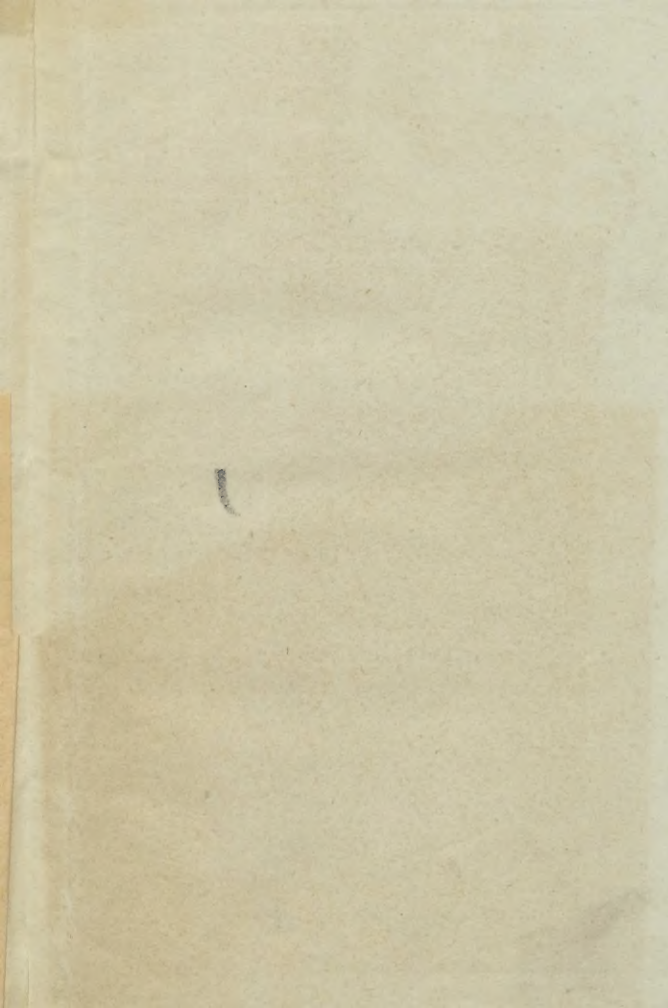

ЗАЛА 18

ШКАФЪ 197

ПОЛКА 3.

№ 25.

ЗА
Ш
ПО
№

ЛА 18
АФЪ 197
КА 3
25

ПОЭМА

О

ПРОИЗХОЖДЕНИИ ЗЛА,

ПРЕЛОЖЕННАЯ

на

россійскіе стихи

М. А. С.

Петрѣмъ Богдановымъ.

Изъ твореній г. Галлера

Въ университетской тип.

у Ридигера и Клаудія
и живеніемъ издателя

съ одобренія 1798. Моск. цензуры

ЗА
Ш
ПО
№

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

ОБЕРЪ - КАМЕРГЕРУ

Дѣйсшвишельному Тайному
Совѣшнику,

ИМПЕРАТОРСКИХЪ

РОССІЙСКИХЪ ОРДЕНОВЪ,

*Святаго Апостола Андрея
Первозваннаго, Святаго Алек-
сандра Невскаго и Польскаго
Бѣлаго Орла*

КАВАЛЕРУ

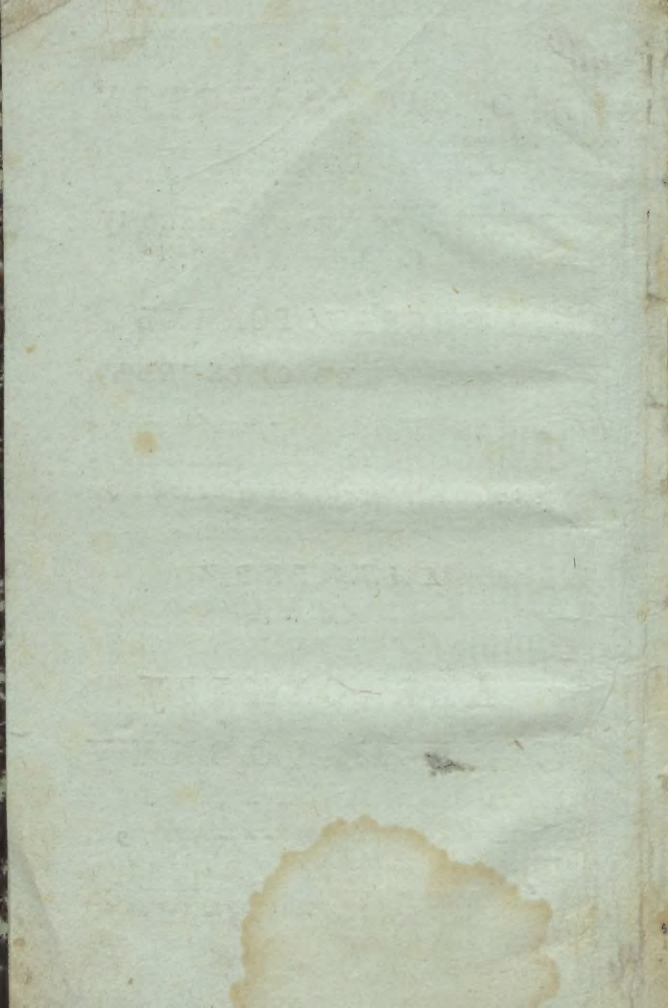
КНЯЗЮ

АЛЕКСАНДРУ

МИХАЙЛОВИЧУ

ГОЛИЦЫНУ,

Милосшивому Государю.

Не нужно много словъ — ви-
тійство оставляю,
И лести искренность всегда
предпочитаю;
Усердность требуетъ лишь
сердца, а не словъ —
ГОЛУЦЫНЪ! пріими мой
трудъ подъ свой покровъ;
Хоть онъ не совершенъ, но тре-
буетъ призрѣнья.
Прими незрѣлый плодъ, и
удостою воззрѣнья;

Онъ слабъ, и слабостю Твой
умъ не усладитъ,
Но слабость онаго жаръ сердца
наградитъ.

Во изъявленіе высокопочишанія
приноситъ

Всепокорнѣйшій слуга

Петръ Богдановъ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Въ одинъ прекрасный день, какъ
зѣфиры летали,
И съ нѣжностью цвѣткѣ и дерева
лобзали,
Я вышелъ на холмы изъ хижины
своей,
Гдѣ царствовалъ покой — гдѣ не
было людей.
Я долго шупъ сидѣлъ — и вѣч-
но бѣ не разснлся
Съ высокимъ мѣстомъ симъ, и
имъ всегда бѣ прельщался! —
Изъ возвышеній сихъ источники
шекутъ,
И съединясь въ рѣку свои струи
влекутъ.

Но далѣ страна прїятная встрѣ-
 чалась,
 И столь обширною очамъ моимъ ка-
 залась,
 Чѣмъ я конецъ ея тамъ шокмо обрѣ-
 талъ,
 Высокій гдѣ Юрасъ ее прїосѣнялъ (*).
 Холмы одѣяны зелеными лѣсами,
 И украшали я пѣвнскими древами,
 Чрезъ кои проицалъ видъ пламен-
 ный полей,
 И преломлялося сїянїе лучей.
 Тамъ чистая рѣка, надушая вол-
 нами,
 Излучисто ищепѣтъ различными мѣ-
 снами.
 Сїя рѣка Ларъ — и въ сей-то спо-
 ронѣ
 Лежишъ Нихтляндская столица въ
 тишинѣ;

(*) Весь оный видъ сияше съ Природы.

Она покоится на буграхъ споль вы-
сокихъ,
Что и досель никшо не доспигалъ
до оныхъ.

Вездѣ спокойствіе и миръ я нахожу,
Вездѣ обиліе, куда ѡи поглажу;
И даже въ хижинахъ соломой по-
кровенныхъ,
Обросшихъ влоду мхомъ и пышно-
сипи лишенныхъ,
Свобода царствуетъ со всею про-
спошой,
И словомъ, все сіе являетъ рай
земной.

Земля покрыта шамъ различными
овцами;
Онѣ бляющъ на ней, и прыгая ска-
дами,
Питаются вокругъ зеленой му-
ровой —
Вкушающъ и онѣ имъ свойствен-
ной покой;

Тамъ тучные воны, на мягкой злакъ
возлегли,
Жуютъ съ послѣдностью прили-
ственникъ раздвѣтшій ;
Здѣсь быспрый конь рѣзвась не-
сется по полямъ ,
Гдѣ прежде онъ влачилъ орадо по
бродамъ. —
Колико оный видъ меня увеселяетъ !
Се новой лѣсъ еще — мой взоръ его
срѣщаетъ.
Здѣсь мнѣ являющся буковыя древа,
Внизу, близь ихъ корней распушная
лѣва.
Сїи древа сама Природа насадила ;
А шамъ зеленоснь соснѣ мохъ блѣд-
ный осѣнила.
Въ сей сѣнной мрачности дрожа-
щій видѣнъ свѣтъ ,
Которой сквозь древесъ во оную
печетъ ;

Здѣ въ ношѣ зеленая почасту исче-
заешъ,
И съ злашозарнымъ днемъ себя
сочетаваешъ.
О сколь въ кустарникахъ прїятна
тишина,
Гдѣ слышна нѣжныхъ птицъ гар-
монїя одна!
Съ какой прїятностью здѣсь эхо
раздается,
Когда хвала Творцу онѣ пварей
всѣхъ поется,
Когда въ спокойствїи, въ обилїи
утѣхъ
Пастушки раздаюшъ плесканїе и
смѣхъ!
Съ какимъ журчанїемъ ручей здѣсь
протекаетъ,
И какъ извивисто онъ правку оро-
шаетъ!
Какъ мчатся слабыя со камышковъ
спируйки,
И превращаются въ перловы пу-
зырьки!

По оному пруду лучь огненный
сверькаетъ,
И въ безднѣ капель сихъ главу свою
скрываетъ.
Тамъ Вешпергонъ, свое вызвысив-
ши чело,
Касался облаковъ, куда еще крыло
Быспропарящаго орла не достигало;
Его блестящее сіянье озаряло,
И величаяся сѣдою головой,
Всѣ горы поныждалъ своею высотой.
И далѣе, куда взоръ свой ни обра-
щаю,
Вездѣ величіе Творца я обрѣшаю;
Земля является въ моихъ тогда
очахъ
Неушвержденною ни на какихъ
столпахъ;
Плывущія моря по высотамъ пр-
страннымъ,
Сіяющи серебромъ и зланиемъ чисто-
пшаннымъ —

Такъ! все, что я ни зрю, суть Вы-
 шняго дѣла;
 Его десница мѣръ ко благу воззвала;
 Блаженство общее Нашуру ожив-
 ляетъ,
 И все дары Творца въ себѣ впечат-
 лѣваетъ.

О семъ предметѣ я спокойно
 размышлялъ,
 И мракъ уже тогда твердь не ба-
 покрывалъ,
 Твердь изнещренную различными
 цвѣтами,
 И украшенную блестящими звѣ-
 здами.

Уединеніе, спокойство, тишина —
 Мать изобрѣшеній, и вымысловъ
 вина —

Сбирала мысли въ связь повсюду
 развлеченны,
 И самой разумъ мой, въ смятеніи
 стѣсненный,

Отбросивъ тысячи разсѣяннѣй сво-
 ихъ,
 Извлекъ сѣи слова изъ слабыхъ
 успѣхъ моихъ:
 И сей мѣръ мудрые темницей на-
 зываютъ,
 Гдѣ бѣдные глупцы въ мученіи
 спенаются!
 На сей-то мѣръ Мандвиль (*) ху-
 леніе несетъ,
 Что въ ономъ нѣтъ добра, но зло
 одно живешь!
 Здѣсь-то дѣянія со злобой произ-
 водяшъ,
 А въ сердцѣ чувствѣннѣмъ спра-
 даніе находятъ! . . . .
 Что ощущаю я? — Что чувствую? —
 Гдѣ я? . . .
 Перерывается мой духъ — и грудь
 моя

(*) Издашъ изысканнаго сочиненія о
 пчелахъ, который потоки почи-
 талъ столь же полезными, какъ и
 добродѣтели.

ОшѢ хладныхѢ ужасѢхѢ теперѢ
ослабѢваетѢ ;
ОсатрѢ мнѢ бѢдности являшѢся
начинаетѢ.
Я зрю мѢрѢ внушреннѢй вѢ смященѢ-
нѢи своемѢ ;
МнѢ представляетѢся под бѢе ада
вѢ немѢ.
АхѢ ! можно ль обитатѢ небесному
тамѢ царству ,
ГдѢ троны зиждутѢся порокамѢ и
коварству ? —
Во ожиданѢи себѢ благихѢ наградѢ,
КѢ ужасной вѢчности , се ! смер-
тные спѢшатѢ !
Они покой себѢ , по скорби вообра-
жаютѢ ;
МѢрскѢя сладости ихѢ очи ослабля-
ютѢ.
Во крашковременномѢ печенѢи жи-
зни сей ,
Исполненной тоски , мученѢя , скор-
бей ,

Вошше сбманутый ихъ умъ, вошше
сиреминся
къ добру — которе на небесахъ ро-
дился.
Подобно какъ пары, поднявшися
изъ блашъ,
Со истинныхъ пущей грядущаго
вратяшъ:
Такъ благо ложное, исполнено
мечпою,
И прикрашенное различной суетою,
Изъ меньшей горесни въ груснь
большую влеченъ,
И къ нашей скорби злой погибель
придаешъ.
Здѣсь недовольнымъ всякъ себя
самъ почиая,
Изъ града одного въ другой градъ
прелешая
Съ шѣмъ, чшобы тамъ себѣ спо-
койствіе обрѣсть,
Вездѣ колеблешся, вездѣ, гдѣ онъ
ни естъ;

Но наконецъ нигдѣ его не обрѣ-
щаешъ,
И скуку большую себѣ лишь шамъ
срѣнаешъ.

Ахъ, бѣдный! ищешь ты ры-
скуешь по градамъ,
Ты вѣчно не найдешь желасмаго
шамъ.

Мечтою жаждущихъ гонимый во-
ждехнѣй,

Ты ищешь въ бремени покоя, обес-
гченій;

Спокойствіе твое зависишь отъ
тебя;

Такъ должноль онаго искаши въ
себя?

Вошше разсудокъ нашъ кормиломъ
управляетъ,

Коль океанъ спраспей надъ ладѣй
играетъ!

Кшо можетъ день единъ изъ пы-
сящи избрать,

Чтобъ огонь раскаянья чю грудь ве
могъ сжиганъ?

Подъ косю звѣздой щасливеецъ
тошъ родился,
Которой бы нигдѣ ошъ скорби не
шомился?

И наконецъ, кого найдешь ты въ
мѣрѣ семъ,
Кой радости бѣ вкушалъ въ веща-
ствѣ своемъ?

Какая польза въ томъ , чю Бѣтъ
мѣръ украшаетъ ,
Когда врагъ тайный насъ свхъ
сладостей лишаетъ ?

Унынїе, поско намъ издали гро-
зятъ;

Но мысли скучныя мучительный
супъ адъ.

Щасливѣ бы мы, спокрашѣ щасливѣи были.

Коль грозныя бѣ судьбы дни наши
уменьшиди :

И сыпьяи бы съ концемъ снѣ
скоротечныхъ дней

Скончалась наша жизнь — и муки
вместе с ней! —

Но, ахъ! что Богъ, и что рассу-
докъ намъ вѣщаютъ?

Они — они еще насъ больше ужа-
саютъ:

Ничто не можетъ насъ опъ вѣ-
чности укрыть,

И самой гробъ ее не силенъ опъ-
вратить!

Духъ въ шло сосланный, духъ въ
шлѣ ослабѣвшій,

И въ ссылкѣ бѣдственнѣ льна свои
проведшій,

Бываешъ лютыми ударами разимъ;
Опчаяннѣ огонь его неугасимъ.

Безсмертнѣ ему всѣ ужасы являютъ,
И оное себѣ въ ядъ горькѣй превра-
щаетъ.

Онъ, будучи въ враждѣ и съ Богомъ
и съ собой,

Терзается, дрожитъ, теряетъ
свой покой;

Онъ близкимъ будучи мученьемъ
угрожаемъ,
И ошдаденнѣйшимъ злощасьемъ
ужасаемъ,
Весь ненавидишъ мѣръ, на вѣкъ себя
клянешъ,
И къ смерти сей сму уже надежды
нѣтъ . . . .
О бѣдны существа, къ мученію со-
зданны!
О! естълибъ никогда вы не были
воззваны
Изъ праха къ бытію! О! естълибъ
самый Богъ
Могуществомъ своимъ разшор-
нулъ свой залогъ! . . . .
О! естълибъ наконецъ луна сія заш-
милась,
И вѣчность въ древній мракъ —
въ ничто преобратилась! . . .
Великій Боже мой! Твой праведнѣ
есть судъ;
Уста Твои на всѣхъ шокъ мило-
стей лѣюшъ.

Ты въ тайной тишинѣ громами
 обладаешь,
 И волею Своей мірами управляешь;
 Свѣтъ Твой испиленъ, великъ,
 непоспижимъ;
 Въ Тебѣ онъ кроется никѣмъ не
 разрѣшимъ.
 Ты благъ, Ты милосердъ — сіе я
 шокмо знаю,
 И огонь любви Твоей во всемъ я
 обрѣшаю.
 Мы въ солнцѣ и лунѣ недрожны
 зримъ Твои:
 Они подобіемъ лѣютъ лучи свои,
 Лучи, копорые на землю выпуска-
 ютъ,
 Лучи, копорыми живятъ все, со-
 грѣвають.
 О Ошче нашъ, Творецъ и присно-
 сущный Свѣтъ!
 Въ Тебѣ нѣтъ мщенія, и ненави-
 сти нѣтъ!

Тебѣ мученія веселье не приносятъ;
Они не радости, лишь скорбь Тебѣ
наносятъ.

Не гнѣвъ причиною сего творенья
былъ,
Но благость, кою Ты на существа
разлилъ.

Непостижимое Твое всѣмъ совер-
шенство

Произвело Тебѣ неложное блажен-
ство;

Не одному Себѣ доставилъ Ты его,
Но вмѣстѣ существамъ творенья
Твоего.

Реки мнѣ, Господи! Ты мудрости
исполненъ,

Почто жь избралъ сей мѣръ, му-
ченьемъ кой наполненъ,

Которой завсегда причастенъ есть
грѣхамъ?

Не ужь ли разумъ Твой, дающій
свѣтъ умамъ,

Не обрѣталъ въ себѣ чершежей со-
вершенныхъ,
Которы бѣ не были прошивны
щастью бѣдныхъ? . . .
Но, ахъ! гдѣ мысль моя? . . и
гдѣ ея предѣлъ?
Богъ требуетъ отъ насъ не знанія,
но — дѣла.
Премудрость хощь Его умамъ и
несовмѣстна;
Но воля всякому изъ человѣкъ из-
вѣстна:
Велики Онъ убѣгаетъ пороковъ
намъ своихъ,
А не ищетъ причинъ существо-
ванья ихъ.
Но развѣ звѣрскій умъ, духъ Бо-
жій порица,
И ложь въ сердца людей молодыхъ
посѣявая,
Самъ вдавшись въ порокъ, здѣсь
долженъ заключать
Отъ міра до Творца, и злымъ его
считаетъ?
Б

Взыграстѣ ли Манесѣ надѣ ис-
пиной и Богомѣ ?
И не поклонится ль предѣ Вышняго
черпогомѣ ?
Не возгорится ль въ насѣ огонь рев-
ности , хвалы ,
Когда безуміе на Бога льстѣ хулы ?
Сильна ль единая тогда нѣмая вѣра,
Коль заблужденіе воюетѣ безѣ
примѣра ,
И остроуміе, свою разставивѣ сѣнь,
Сшараешся по всѣмѣ краямѣ его
простерѣ ?
Иль страшныхѣ громовѣ мы и
молній ожидаемѣ ,
Когда прошивущашъ ему мы не
желаемѣ ? —
Нѣтъ ! истины еще померкѣ не
столько лучъ ,
Чтобѣ онѣ не могѣ сѣять сквозь
мрака, тѣмы и тучъ.

Сколь чистый блескъ его нашъ
умъ ни ослаблѣетъ,
Но онъ блудящїе огни всѣ зашме-
ваетъ,
И самое его зашменїе сильнѣй
Великолѣпїемъ вообще блестящихъ
лжей.
О! естѣлибъ истина сія мнѣ пред-
водила,
И свѣтомъ огненнымъ мой разумъ
озарила!
О! естѣлибъ ею мой разумъ былъ
влекомъ,
И естѣлибъ правила она моимъ
перомъ!
Да сильной гласъ ея, которой ощу-
щаю,
Одушевитъ въ насъ то, что въ
честь ей воспѣваю,

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Въ началѣ времени, чю Богъ
Самъ начинаешъ —
Которое течешъ, и ввѣкъ не из-
сякаешъ —
Великій Богъ, пріавъ Премудрости
совѣшъ,
Благоволилъ создать прекраснѣй-
шій сей свѣшъ.
Могущество Его и благость были
зримы,
Которы никогда ни кѣмъ не по-
спижимы.
Чертежъ міровъ тогда предъ Го-
сподомъ лежалъ;
Онъ всѣ возможности къ творенію
избралъ;

Премудрость наконецъ избрала со-
вершенство,
И наилучшій мѣръ изъ всѣхъ былъ
воззванъ въ дѣйство.
Ничтожество тогда пріяло бытіе,
Вдругъ время начало теченіе свое:
Исполненъ хаосъ спадъ различ-
ными вещами;
Земля покрылася цвѣтущими дре-
вами;
Открылося очамъ различіе пло-
довъ,
Поля украсились пріятностью цвѣ-
товъ;
Густѣйшіе пары въ эфирѣ попи-
чась сжались,
Блестящіе огни и свѣтъ на верхахъ
поднялись,
Всѣ солнца на своихъ поставились
мѣстахъ,
Міры въ назначенныхъ вращающихся
кругахъ. —

Богъ на дѣла Свои стреми-
тельно взираетъ,
И удовольствіе Себѣ въ нихъ обрѣ-
таетъ —
Но не советамъ еще . . . немая ве-
щесва
Не могутъ ощущать довольно
Божесва!
Они участія во свѣтѣ не имѣютъ,
Себя и своего Творца не разумѣютъ;
Еще Богъ существо былъ долженъ
созвиритъ,
Которому бы могъ Онъ Самъ Себя
открытъ:
Богъ дунулъ — и сія Божественная
Сила
Въ разумно существо жизнь, бы-
тіе вложила.
И тако созвирилъ Творецъ
духовный міръ:
На разны степеніи духовъ Онъ раз-
дѣлилъ;

Онѣ каждому изъ нихъ особенны
далъ свойства ,
И каждому открылъ пути исканья
спокойства .
Онѣ побужденія ко благу въ нихъ
вселилъ ,
И совершенство имъ меной по-
спановилъ ,
Въ которой бы они съ свободою
спремились ,
И наконецъ достигъ до оной цѣли
шлись .
Но волей правила единая любовь ,
Она единая вознаменяла кровь .
Къ развратамъ и тогда врагъ
отверзны были ,
Но смертные еще не столько имъ
служили ;
Нашъ разумъ власть даетъ пороку
и спростямъ ,
И подлымъ ихъ рабомъ онъ дѣ-
лается самъ .

Мы всегда добра, не зла себѣ
желаемъ,
Сспремимся къ доброму, но злое
избираемъ.
Богъ принужденія не требуетъ
отъ насъ;
Но хочетъ, чтобы все внушалъ
намъ воли гласъ.
Сія свобода всѣхъ столь много воз-
вышаетъ,
Что самыхъ Ангеловъ не ниже по-
сцавляетъ.
По принужденію что шокмо мы
шворимъ,
Богъ симъ гнушается — сіе ни-
что предъ Нимъ.
Тогда изящною бываетъ добродѣ-
тель,
Когда любовью къ ней горимъ ся
содѣтель.
Съ начала времени Богъ вѣдалъ,
до чего
Свобода доведетъ швореніе Его.

ОнѢ-знаѢ , что шварь сѣя удобно
ослѣпишя ,
И сѢ праваго пути на ложной со-
враишя ;
Что шѢло для души пребудетѢ
явный врагѢ ;
Что мѢра предесни въздѣйснвуиуиѢ
вѢ умахѢ .

Избранны вѢ Божѣи друзья , мы
забываемѢ
Всю цѢну вѣчности , куда нунѢ
направляемѢ ;
Наружный блескѢ вѢ очахѢ рожда-
етѢ слѣпошу ,
И внутреннюю тѢмѢ скрываетѢ
нагошу .
СтремительноснѢ страстей снелѢ
умѢ нашѢ заимѣваетѢ ,
Что будущаго всю прѣятноснѢ
уменьшаетѢ .
Кто можетѢ такѢ собой всегда
располагашѢ ,
Чтобы во всемѢ одну средину на-
блюдаютѢ ,
В

Предѣлы коея кто естъли пресу-
даешъ ,

Тотъ добродѣтели законы нару-
шаетъ ?

Ктобъ безъ погрѣшности поняшь
могъ связь вещей ,

Исполненъ коими прекраснѣйшій
мїръ сей ?

Единъ Богъ вѣдаетъ связь своего
творенья :

И можно ль намъ судить о всемъ
безъ опасенья ? —

Творецъ отъ высоты сіе пред-
усмотрѣлъ ;

Онъ слабость нашего ума отъ вѣка
зрѣлъ ;

Онъ зрѣлъ отъ вѣка , мїръ сей
нѣкогда расплится ,

И зло въ немъ наконецъ — сіе зло
водворится ,

Онъ видѣлъ все сіе , однакожъ мїръ
создалъ ,

И изъ ничтожества кобышю воз-
звалъ .

Въ премудрости того ктожъ усумнился бога,
Угодно что Творцу — Его свящѣн-
шей волѣ?
Богъ, — кой хотѣлъ Себя въ твое-
реніи открытъ,
И свойства въ немъ Свои въ зер-
цалѣ какъ явишь —
Зналъ, естли дѣйствовать все
будешь принужденно,
То долженъ быть сей міръ маши-
ной неопытно,
Которая сама не движется собой,
Но управляется художника рукой;
Когда бы не были козлу опверсты
двери,
И добродѣтели тогдабъ мы не
имѣли.
Онъ давши способъ намъ хвалишь
и пѣшь Себя,
Хотѣлъ, творили бъ мы сіе Его
любя.

Но принужденіе — совсѣмъ Ему
не вняшно;
Познаніе Его — вопль чиню Ему
пріятно!
Онъ насъ благоволилъ той славой
увѣнчать,
Чтобъ добровольно мы могли къ
Нему пылать;
Необходимости ни чьей Онъ не
желаетъ;
Она свободныхъ дѣлъ различье на-
рушаетъ;
И будетъ ли къ Творцу дѣйстви-
тельна хвала,
Коль побужденіемъ Его изъ устъ
изшла?
Въ бездѣйствіи тогда сія пребу-
детъ благость,
И правосудіе, и мудрости, и свя-
тость,
Въ бездѣйствіи тогда и Божество
Его,
Коль будетъ все шворить самъ
Богъ, мы — ничего.

Свободу попому всеѣ Духи все-
пріяли,
Дабы изѣ оной ихѣ дѣла произше-
кали..
А впрочемѣ мудрая во всемѣ рука Его
Кормиломѣ правила шворенья Сво-
его;
Его владычество, и сильное ве-
дѣніе
Могло остановить Природы всей
шеченье..
Мірѣ тако сдѣлался Духами насе-
ленѣ,
Чрезѣ коихѣ бышіе прославленѣ и
почтенѣ..
Наклонностей ко злу въ себѣ они
не зрѣли,
И къ благу лишь одно стремленіе
имѣли;
Клонилось все у нихѣ къ единому
концу,
Чтобѣ угодить во всемѣ премуд-
рому Творцу.

Они всѣ свойственно имѣли совер-
шенство ;

И ощущать могли назначенно бла-
женство.

Единъ былъ большими дарами
одаренъ ,

Но и другой того , что нужно , не
лишенъ.

Иные отъ всего земнаго освобождены,
И къ Богу болѣе шѣмъ снани при-
ближены.

О вы , живущіе блаженно въ
небесѣхъ ,

Во всемъ сближи вамъ святыни-
ныхъ утѣхъ !

Какъ можемъ васъ познать при
слабости здѣсь нашей ?

Сколь мало чувствуемъ сладоу
доброты вашей !

Поспавленнымъ з мныхъ превыше
всѣхъ существъ ,

Вамъ мѣсто первое дано въ ряду
веществъ ,

Чрезъ пять орудій здѣсь познанья
собираемъ;

Чрезъ нихъ мы испинну при мра-
кѣ постигаемъ;

Какъ, можетъ быть, вы тамъ —
при свѣтлоспи дневной,

Умъ наполняете чрезъ тысящу
врагъ свой;

Быть можетъ, что въ васъ все,
все ясно созерцаетъ,

Все благость Творческу и мудрость
прославляетъ.

Вы можете о томъ познаніе имѣть,

Чего не въ силахъ мы постичь и
окомъ зрѣть;

Тогда мы дневный свѣтъ, тогда
лишь ощущаемъ,

Неповрежденный свой когда взоръ
опровергаемъ;

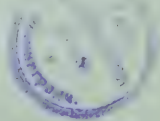
Для васъ же нѣтъ ношей, густого
мрака, тьмы,

Что чувствовать должны здѣсь
ежедневно мы.

Посредствомъ зрѣнія вещей нару-
жноснѣ знаемъ,
А свойство внутренне ихъ рѣдко
поспигаемъ;
Онѣ васъ же скрылися намъ не
можешъ ничего;
Подробно знаете вы внутренности
всего.
При слабомъ разумѣ, при множе-
ствѣ приспираний,
Не можемъ мы имѣть простиран-
нѣйшихъ понятій;
А иногда и такъ, что впечат-
лѣнныя ихъ
Не сильно, и въ единѣ исчезнуть
можетъ мигъ;
Но въ васъ останутся понятій
милліоны,
И ихъ не изтребятъ и времени
законы;
Вы можете всегда, когда угодно
вамъ,
Дать впечатлѣнія живѣйшія у-
мамъ.

Подобно какъ нашъ духъ, въ пре-
дѣлахъ заключенный,
И здѣсь плѣсными оковами спѣ-
сиенный,
Не въ силахъ вдругъ въ себя двухъ
мыслей помѣстить;
Онъ можеть память плѣмъ свою
опягошить:
Такъ вашъ опверсый умъ, я мы-
слю, столь обширенъ,
Что ко принятой вещей премно-
гихъ силенъ.
Итакъ, чтожъ знаніе есть наше
передъ симъ? —
Мнѣ мнится, это такъ — вотъ
что лишь говоримъ!
Довольно, что ихъ мысль была
такъ совершенна,
Довольно, что не къ злу, но къ
благу преклонена;
Влеченіе къ добру столь было силь-
но въ нихъ,
Сколько проникателенъ, сколько си-
ленъ разумъ ихъ.

Какъ ко спцу они, ко Богу устрема-
маясь,

Любовію къ Нему, молиuvoй за-
нимаюсь,

Познавія свои желали умножать,
Да могутъ шѣмъ его удобнѣй про-
слаявши.

Далеко отстоитъ отъ Анге-
ловъ родъ смертныхъ,
Наслѣдниковъ небесъ, и чашую
вмѣстѣ плѣнныхъ.

Сей родъ изъ вещества не равна
созворенъ;

Имѣетъ душу онъ, и шѣломъ об-
леченъ:

Та къ вѣчноссти себѣ назначенной
спремитъ,

Сіе же нѣкогда испытавши — изъре-
бится.

Онъ между Ангеломъ и чувствен-
нымъ скопомъ

Есть нѣчто среднее въ жилищѣ
семъ земномъ;

Родъ зный самого себя переживаетъ,
Подверженъ смертному, и — ввѣкъ
не умираетъ. —

Ахъ! преисполненъ былъ добра и
человѣкъ,

Когда еще во грѣхъ себя онъ не во-
влекъ:

Тогда міръ ничего не зрѣлъ кромѣ
блаженства,

Кромѣ спокойствія, добра и благо-
денства.

И въ насъ Богъ впечатлѣлъ вели-
кій образъ Свой,

Начерпанный Его всеильною рукой.

Онъ насъ опредѣлялъ не токмо
надъ звѣрями,

Но и надъ всемъ земнымъ влады-
ками — царями.

Два побужденія Онъ намъ въ сердца
вложилъ:

Чтобъ всякъ любилъ себя, и ближ-
няго любилъ,

Сїи двѣ должности для всякаго
суть сродны;

Доставишь небеса и щаснїе удобны.

Любовь къ самимъ себѣ испоч-
никъ ешь трудовъ;

Вкушаемъ ею мы прїятность тѣхъ
плодовъ,

Которые вещей познанье досна-
вляетъ.

Она въ насъ слабый духъ и мысли
возвышаетъ,

Мы научаемся честию познаванью,
И ею можемъ шомъ огонь въ сердцѣ
воспалять,

Которымъ храбрые Иронъ всѣ ны-
лаютъ;

Которымъ и себя и ближнихъ за-
щищаютъ.

Она оппоргшихся онѣ лѣнсты
мїрской

Къ блаженному концу ведетъ сне-
зей крутой,

Тдѣ бремя предажитъ, гдѣ тернья
возрастаютъ,

И добродѣтели пути шѣмъ зашруд-
няюшѣ.

Она, она всегда надъ благомъ на-
шимъ бдитъ,

Изъ горестей, скорбей веселіе пво-
рипѣ ;

Она съ собою насъ самими прими-
ряетъ,

Бодритъ лѣниваго, и сонныхъ
воскрешаетъ.

Ея влеченіємъ и силою ея

Хранимъ потребности для жизни
своея.

Опъ дерзновеннаго она опъемлетъ
яръсть;

Возспавишъ робкаго и буйна сло-
мишъ наглость:

Творишъ драгою жизнь въ спрда-
ющихъ очахъ.

И ищетъ врачевства отъ глада и
въ степяхъ;

Она нагихъ ошъ стадъ волною по-
крываетъ ;
Для помощи въ пущи моря намъ
полагаетъ ;
Познали ею мы испосчникъ вѣщъ
огня ,
Кой изъбаеиша изъ снани и кремня ;
Мы помощью ея руду въ землѣ
познали ,
И нужчый для себя металлъ шамъ
ископали ;
Она содѣлала художниковъ, врачей,
И правы обрѣла шѣлесныхъ для
скорбей ;
Она проникла въ связь напшры —
въ сокровенность ,
И въ насъ къ познанію вещей вдох-
нула ревность. —
Почто же ревность та , и сей ду-
шевный свѣтъ
Ко злополучію шоль часто насъ
влечетъ !

Любовь ко ближнему гораздо
есть важнѣе;

Измѣ больше пламени, шѣмѣ она
святѣе:

Самъ Богъ — самъ Богъ ее съ не-
бесъ къ намѣ ниспослалъ,

И перстомъ огненнымъ на сердцѣ
начерталъ.

Благопovорить другимъ, быть жер-
твой нашимъ ближнимъ —

Вопѣ знакъ, чино созданы мы всѣ
Творцемъ всевышнимъ!

Любовь — священная любовь есть
цѣль сердцѣ;

Другъ съ другомъ соединишь —
сей есть ея конецъ.

Она въ сообщество пріятнось во-
дворяешь,

И скуку мрачную въ веселье пре-
творяешь;

Она изъ дикихъ мѣстъ насъ въ
грады созвала,

И шѣмъ жъ спокойствію пути
изобрѣла.

Она терпящихъ гладъ, томимыхъ
стону внемлетъ,
И съ радостию ихъ въ обѣщанія
пріемлетъ;
Воззрѣвъ на страдающихъ, сама со-
страдаемъ имъ,
И вопль снѣшитъ унять усердіемъ
своимъ;
А наконецъ Она довольство произ-
водитъ —
Которое одна чувствительность на-
ходитъ —
Когда подобныхъ мы самимъ себѣ
людей
Благополучными теоримъ рукой
своей.
Отъ оной дружество — сія сердце
опрада,
И добродѣтели единая награда —
Отъ оной дружество и миръ про-
изшелъ,
Которое Творецъ для нашихъ нуждъ
обрѣлъ,

Чѣмъ въ горести она, чѣмъ въ
 скорби унывало,
 И живописный свѣтъ на смер-
 тныхъ разливало.
 Она связуетъ въ мигъ одну съ
 другой душой;
 Сѣи блаженствуютъ, вкушая рай
 земной.
 Она насъ къ дѣтищамъ столь силь-
 но привлекаетъ,
 Что самые труды въ довольство
 превращаетъ,
 Кошарныхъ требуютъ ихъ слабо-
 сти. ошъ насъ;
 Она есть истинный и громкій кро-
 ви гласъ,
 Для пользы невинныхъ сихъ мла-
 денцевъ вопиющей,
 И нашу внутренность къ движе-
 нію зовущей.
 Ея чистѣйшій огонь восходитъ къ
 небесамъ,
 Доходитъ до Творца — не гаснетъ
 даже тамъ.

Она къ достойному любви всегда
 стремишся,
 И можешъ благомъ лишь всевы-
 шнимъ насладишся.
 Еще попекся Богъ для слѣбыхъ
 чадъ своихъ :
 Такое чувствіе въ насъ кроется
 самихъ ,
 Которое всегда отъ злаго уклоняешъ ,
 И легкимъ образомъ насъ втайнѣ
 уязвляетъ ;
 Могущественъ его коль скоро презримъ гласъ ,
 Тотчасъ въ отмищеніе — болѣзнь
 ощутимъ въ насъ.
 Въ семъ нѣжномъ зданіи пузыри-
 ковъ малѣйшихъ ;
 Для подкрѣпленія силъ внупрен-
 нихъ нужнѣйшихъ ,
 Излишность слабую бѣ въ насъ прерывала нимъ ,
 И тѣмъ моглибъ себя ко гробу при-
 водишь.

Но въ мягкомъ мозгѣ жилъ сухихъ
и упонченныхъ,
Ошъ ока нашего препонкой покро-
венныхъ,
Дана чувствительность Правителемъ небесъ,
Которая хопя и есть источникъ
слезъ,
Но купно она и жизнь предохра-
няетъ,
Пропивитъся пому врагу насъ по-
буждаетъ,
Которой всячески насъ щипитъ
измождитъ,
И мнитъ въ несчастіе, въ поги-
бель погрузитъ;
Она отъ хладности въ насъ нервы
защищаетъ,
Всѣ острогы соковъ приливомъ раз-
рываетъ;
Она текущу кровь въ сославъ брен-
номъ семъ,
Хладитъ посредствомъ жадъ тон-
чайшимъ питіемъ. —

Пить чашу горькую болѣзнь насѣ,
заспавляешѣ,

Но горькимъ питіемъ симъ нѣло
издѣляетъ.

Еще находится такая сущ-
ность въ насъ,

Колора бодрствует надъ нами
каждый часъ ;

Которая дѣла, поступки испыты-
ваетъ,

Добро цѣнитъ добромъ, пороки на-
казуетъ..

Она есть истинный дѣяній судія ,

И испиненъ всегда пребудешъ
гласъ ея.

Намъ жебо въ совѣснѣ законы пред-
писало,

Оно исплескиваетъ прага въ ней на-
черпало;

Оно открыло намъ порока гнусный
видъ,,

И слѣдствіе Его — раскаяніе,
слыдѣ..

Порочный, подлый духъ въ слѣ-
пая вдавшись спрасни,
Ввергаетъ самъ себя въ погибель
и напасти; —

Увы! насъ грѣхъ готовъ самихъ въ
адъ превращать,
Но — мы и тупѣ его не хотимъ
избѣгать,

Мы приготовившись въ путь
къ бурямъ и сраженью,
Что нужно получивъ сей жизни къ
сохраненью,

Въ простиранный мѣра плыть пусти-
лись океанъ,

Гдѣ каждому изъ насъ различный
жребій данъ,

Гдѣ каждый надѣленъ орудіями
къ щастью,

Никто не позабытъ, и всякъ вла-
дѣетъ часною.

Хотя находится различіе въ душѣ —
въ умѣ — но оному завидуемъ воище!

То къ счастью нашему всевышній
 Богъ устроилъ,
 Что быть различію шакому созво-
 лилъ.

Нашура, коя есть источникъ, машь
 добра,
 Рождаетъ болѣе желѣза — не
 сребра.

Какую бѣ мудрецы намъ пользу
 приносили,
 Когда бѣ они одни повсюду въ цар-
 ствѣ жижи?

Различныгъ дерева, различныгъ и
 цвѣты :

Различныгъ знанія, различныгъ и
 плоды.

Здѣсь каждый человѣкъ по мѣсто
 занимаетъ,

Которое Творецъ ему опредѣляетъ.
 Высокомѣрный духъ гордящійся
 собой,

Обманушъ будучи премѣною судѣ-
 бой,

Спѣшитъ ко щастію отечества по
праву,

Дабы чрезъ то обрѣсть достоин-
ство и славу.

Тамъ низкій умъ среди несносныхъ
жаркихъ дней,

Весь въ потѣ и пыли собираетъ
хлѣбъ съ полей,

Во весь трудится день и опдыху
не знаетъ,

Но знающему всегда онъ пищу до-
стлавляетъ.

А здѣсь мудрецъ въ ночи, съ воз-
женною свѣщой,

Вещей познаніемъ занявши разумъ
свой,

Сидитъ задумавшись, и въ то
онъ проникаетъ,

Что существуетъ въ насъ, что
мыслимъ, разсуждаетъ.

Рачительная мать и вѣрная жена,

Хоть просвѣщеніемъ не столь ода-
рена,

Но также съ пользою домами управ-
вляешъ ,

И государству чадъ воспитанныхъ
вручаетъ.

Хотя различны Богъ дары
на насъ излилъ ;

Но всякой нужное для жизни по-
лучилъ.

Нѣтъ ни единого, кому бы гласъ
врожденный

Не изрекалъ свой судъ, судъ пра-
вый, непрѣвный,

Когда оставивъ путь ведущій къ
небесамъ ,

Работаетъ грѣху и пагубнымъ
спрастямъ.

На сибирскихъ берегахъ живущіе
Гуроны (*).

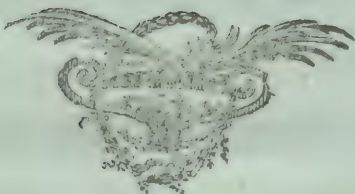
Природы чувствуютъ не ложные
законы ,

(*) Гуроны прежде жили въ сѣверной
Америкѣ при озерѣ Мичиганѣ на-
зываемомъ.

И самый ГопшенпошЪ, на ЮгЪ чпо
живетЪ,
Еспешвенный свой долгЪ и право
познаётЪ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Святая истина, свидѣтельница
дѣлъ,
Которыя отъ вѣкъ Содѣшель про-
извелъ!
Открой намъ таинство не позна-
но умами;
Кто сдѣлалъ Ангеловъ Всевышне-
му врагами?
Кто наше щастіе въ погибель пре-
вратилъ?
Кто поднебесную дорогомъ опра-
вилъ?
Какою человѣкъ былъ изнуренъ
войною?
Какую люшу брань имѣлъ съ са-
мимъ собою?

О истинна! съ небесъ сѣ ты намъ
внуши,

И проснѣю моей событіе пиши.

Не одинаково паденье Ангелъ
было:

Различіе чиновъ различны рвы из-
рыло,

Въ кошорые они низвергнулись съ
небесъ,

Лишь только гордый свой Луци-
феръ рогъ вознесъ.

Паденье съ горняго, превысиренна-
го міра,

Какъ изваяннаго разбило ихъ в у-
мира.

Цхъ очи омрачила естественный
ихъ свѣтъ:

Такъ солнцу лунный кругъ за-
шмѣнѣе даешъ.

Хоть вядшей славою предъ ирочи-
ми блиснали,

На сграниценнестъ однакъ негодо-
вади:

Исвыше всяческихъ бысть взду-
мали грядѣ;

Гордишья начали своихъ сіяньемъ
лицъ.

Свяшъ, свяшъ, свяшъ Богъ! они
съ другими не вzywали,

Но сами Богомъ бысть упорно воз-
мечтали;

Ожесточидись ихъ надменные я
сердца;

Возненавидѣли, пренебрегли Творца.

Хощь первые они по Богъ въ небѣ.
были,

Но злоспѣю своей любви Его пла-
тили.

Нѣтъ страха Божія, любви къ Нему
тамъ нѣтъ,

Высокомъ брѣ гдѣ власпь свою беретъ

Такъ Ангеловъ соборъ ошъ Бо-
га уклонился,

Какъ отъ источника пошокъ вод-
ный соплился,

Отъ солнца какъ опадъ сѣяющій
лучь дня,
На поднебесную: пощный покровъ
гоня.
Уничженный мракъ въ своемъ
узрѣли свѣтъ:
Любви жаръ охладѣвъ къ добру въ
ихъ самомъ лѣтѣ;
Въ нихъ зло родилося, — родили
сами зло,
И онсе въ сердцахъ ихъ ядъ про-
извело.
Неудовольствіе душой ихъ овла-
дало,
И къ Богу ненависть тѣмъ болѣе
пишало.
Не благо, гибель тамъ, гдѣ на-
слажденья нѣтъ.
Совсѣмъ — совсѣмъ померклъ у нихъ
разсудка свѣтъ;
Въ ихъ самомъ существѣ уже из-
чезла радость,
Фіаломъ горести ихъ разпорилась
сладость.

Опмщеній Богъ мяшежъ сей
 строго наказалъ,
 Въ срамъ гордоснъ превратилъ —
 нещасливымъ духъ сналъ:
 Безсмертный, вѣчный духъ под-
 верженъ вѣчной смерти,
 И Господа во вѣкъ не можетъ онъ
 узрѣти.
 Коль духи зло избравъ, шо блagu
 предпочли,
 И злая слѣствія онъ зла про-
 изошли.
 Ихъ сокрушеніе имъ пользы не
 приносишъ;
 Хошь падшій каешся, прощенія не
 просишъ;
 Опчаявается спасенье получишъ;
 Безъ силы злобснвуешъ — не силь-
 но, зло разишъ. —
 Но вѣрны Ангели хранящіе за-
 коны
 Не узряшъ своего веселія престоны;

Предъ Богомъ выну суть, въ Немъ
обръщаютъ рай,
Богъ имъ начало есѣ, Богъ имъ
последній край.

У нихъ безъ нощи день — тамъ
свѣтъ не угасаетъ,
Гдѣ Божій свѣтъ умъ и души
озаряетъ.

Отъ непріятнаго они удалены,
И въ храмъ — въ вѣчный храмъ
блаженства введены.

Не долу зрятъ они, горѣ умъ воз-
вышаютъ,
Тѣмъ Божество Творца яснѣ по-
спигаютъ.

Ихъ удовольствіе — въ желаніи
самомъ,
Желаніе же ихъ — въ довольствіи
одномъ.

Они питаютъ духъ свой непри-
ступнымъ свѣтомъ,
А сердце сладостно — довольны-
симъ, пр дметомъ.

Зло ядохворное, Духовъ ума-
 ливъ чинъ,
 Разлило по земли не свѣтъ, но
 мракъ единъ.
 Адамовъ родъ не могъ ему сопро-
 тивляться,
 И не прошиваясь синалъ ему пови-
 нованья.
 Кругообразный мѣръ съ улыбкой
 умъ сръшалъ,
 Плѣнивъ, очаровавъ, къ себѣ все
 привлекалъ.
 Трудъ съ добродѣтельно былъ пред-
 почтенъ забавамъ,
 А важность честиная злымъ усну-
 пила нравамъ.
 Душа незыблемый свой колебаеиъ
 ипронъ,
 Работаетъ грѣху, прѣявши заа за-
 конъ;
 Въ покоѣ нѣжится, въ веселии упо-
 коенъ,
 И добродѣтели тѣмъ силу ума-
 ляетъ :

Но шѣло съ чувствиями надѣ нами
власть берушѣ ,
И къ наслажденіямѣ погибѣльнымѣ
влекушѣ .
Зло на себя надѣвѣ пріятную ли-
чину ,
Удобнѣе грѣшить шѣмѣ подаешѣ
причину .
При наслажденіи лѣнимся размы-
шляшѣ ,
А ощущеніе мы не хотимѣ познашѣ .
Все, что предѣлами снѣвсюду окру-
женно ,
И не было и бышѣ не можешѣ со-
вершенно ;
Онѣ заблужденія вселилося въ насѣ
зло ,
Оно надѣ разумомѣ владычество
нашло ;
Возникли склонности , и власть
свою пріяли ,
И какѣ пружиною душою упра-
вляди .

Тутъ средство жизнь хранишь пре-
                                обратилось въ ядъ;
А тѣло для души содѣлалось адъ.
Забыли дѣль свою влеченія природы:
Ко временнымъ вещамъ сложилися
                                народы;
Небесны существа, какихъ васъ
                                создалъ Богъ,
Забыли истинный, блаженнейшій
                                свой рогъ;
Изящная любовь неслась въ уны-
                                хамъ браннымъ,
И вожделѣніямъ подверглась запре-
                                щеннымъ.
Здѣсь ненависть владѣтъ сердца ми
                                начала,
И къ горестной враждѣ злой по-
                                водъ подала;
Тутъ честолюбіе главу свою подѣ-
                                яло,
Духъ, мысли и сердца у смерт-
                                ныхъ напыщало.

Хопя вънутренній судья препоны
положилъ
Разироспираться зау — его не и-
требилъ;
Уста, исполнены противнаго у-
ченья,
Поправши совѣсти, умъ, преслу-
шали велѣнья;
Хопя и вздумали пороки осмѣять,
Но не хопѣли ихъ шеченье удержи-
жать.
Порочны люди все: собой же всякъ
знаешъ;
На сба зло мѣры ядъ свой разиро-
стираешъ.
Гдѣ лишь владычество имѣешъ
человѣкъ,
Тамъ сластолюбіе, тамъ чести и
злаша блескъ,
И наконецъ все то, что сердце
развращаешъ,
Когда предметовъ сакъ достиг-
нуть возжелаетъ:

Припворство здѣсь, обманъ, здѣсь
ненависть, вражда,
Здѣсь зависть съ злобою, презрѣнье,
клевета,
Здѣсь легкомысленной невинности
прельщенье,
Здѣсь чреву жадному пошылное
служенье,
Здѣсь жадность къ суешъ и къ
праздности любовь,
Котора иѣжишъ насъ, но — пове-
ждаетъ кровь —
Здѣсь всѣ чудовищи, владея всѣхъ
сердцами,
Терзающъ оныя какъ львиными
когнями.
Внутрь совѣсь усыпавъ, онѣгавъ
опѣ сердца стыдъ,
Сѣи чудовищи прѣмлюшъ разный
видъ:
Одни вздѣвъ на чело лукавствѣя
личину,
Являющъ честности изъ подъ нея
картину;

Другіе чрезъ обманъ, чрезъ буй-
сиво, ковъ, чрезъ леснь
Приводяшъ слабѣшь въ страхъ,
являя злобну меснь.
Ни чѣмъ, ни временемъ, ни пра-
вами народа —
Ни чѣмъ премѣнна не можешъ
быть Природа;
Вездѣ прозрачные источники те-
кутъ,
Но премѣняется единъ ихъ пото-
къ.
Вошше иной народъ въ безумствѣ
утопаешъ,
Свое невѣжесиво невинносію счи-
таешъ!
Не столько успарѣлъ еще въ намъ
корень золъ,
Не столько глубоко еще низналъ
онъ въ долъ;
Лапланды — что среди горъ
льдяныхъ обитающъ,
Гдѣ солнечны лучи жаръ слабый
изливаютъ,

И къ сѣсподлюбію шѣмъ прегра-
 ждающѣ путь —
 Усердные рабы пороковъ также
 сущѣ;
 Они не тщательны, безлечны, намъ
 подобны (*),
 Лѣнивы, суетны, зависливы и
 злобны,
 Къ корыстелюбію имѣющѣ сквер-
 ный нравъ,
 И свойспвенныхъ скотамъ исполне-
 ны забавъ.
 Не все ль одно, жиръ рыбъ, иль
 злоно, что блистаетъ,
 Въ насъ смертоносную вражду и
 страхъ рождаетъ?
 Онъ добродѣтели далеко кино
 бѣжитъ,
 Къ благополучію путь онъ шого
 сокрытъ.

(*) Смощи Гоголштремово описаніе.

Законы, должности, уставлены
отъ Бога,
Ко щаснѣю людей суть первая до-
рога;
Духъ, сердце, гдѣ пероу господ-
ствуетъ всегда,
Любви къ себѣ имѣнь не можешь
никогда.
Извнѣ веселѣе и радоснь не вне-
кающъ,
Когда въ насъ внутренность злы
Фурїи терзающъ.
Тогда уныніе въ насъ жиень уже
начнетъ;
Когда нашъ духъ мірскихъ увиз-
шися суетъ,
Священныхъ, истинныхъ попре-
бносней лишишся —
Когда въ дѣяніяхъ благихъ оста-
новишся.
Сокровищи земли тщесны блага
суть,
И къ роскоши они намъ опивера-
ющъ пушъ;

Но мудрый человекъ, бывъ среди
 напаси,
 Въ сихъ благахъ никакой имъни
 не хочетъ части;
 Онъ ушомляется, на сей взирая
 свѣтъ;
 При ложныхъ благахъ сихъ, какъ
 среди снѣги живемъ.
 Кто въ полномъ щасіи свои дни
 провождаетъ,
 И томъ въ семъ мѣрѣ все ничто-
 жнымъ почитаетъ.
 Вѣще судьба дары намъ щедрой
 льетъ рукой:
 Филипповъ сынъ снискалъ весь
 мѣръ — а не покой.
 Безумный человекъ мысль къ
 щасію устремляетъ,
 Никая цѣль души его не прѣсти-
 жаетъ;
 Гдѣ думалъ кончить онъ, тамъ
 начинается вновь,
 И въ самомъ щасіи онъ скученъ
 и суровъ.

Тогда со злопомѢ честь вѢ почте-
нїи бываешѢ ,
Коль преимущество имѢ дѣлу со-
общаетѢ ,
Природа вѣчности всеѢ благамѢ
не дала ,
ПремѣннымѢ , пленнымѢ все во
свѣшѢ произвела ;
Когда судьбой гонимѢ спешешѢ ,
мѣнешся ближнїй ,
Когда вѢ мученїи клянешѢ своей
дни жизни ;
То бѣдствїемѢ его вознесшїся дру-
гой ,
Не внемля спраждушу , величїемѢ
жребїй свой .
ТонѢ сѢ МарсовыхѢ полей грядешѢ
вѢ вѣнкахѢ лавровыхѢ ,
Дно бывѢ не поврежденѢ ошѢ злоб-
ныхѢ сирѣль громовыхѢ ;
Кто ко отечеству храня свою лю-
бовь ,
ИзѢ тысячи себѢ подобныхѢ про-
лилѢ кровь .
Е

А бѣдность поселянѣ, скорбь койхѣ
угниѣшаетѣ,

Лишь токмо одному богачеству до-
спавляетѣ.

Любовникѣ щастливый небесный
чшетѣ за дарѣ,

Коль отѣ возлюбленной взаимный
слышитѣ жарѣ;

Но солюбниковѣ сей жарѣ ожес-
тночаетѣ,

И ихѣ въ несносное мученіе ввер-
гаетѣ.

Для ложныхѣ въ мѣрѣ благѣ
сражаемся мы сихѣ :

И не достоинство, нль цѣль пря-
мая ихѣ,

Но ревность лишь одна умы въ
насѣ воспаляетѣ,

Она единая младенцамѣ насѣ рав-
няетѣ,

Которы за ничто дерущся межъ
собою,

Которые всегда имѣютѣ спорѣ
пустой.

Побѣда одного къ другому переходитъ,
А побѣдитель въ грусть, въ тоску того приводитъ,
Кто при сраженіи ему соревновалъ,
Кто на своей снранѣ зрѣлъ верьхъ
въ побѣдахъ ждалъ.
Никто въ душѣ своей не чувствуетъ забавы;
Во всѣхъ сердца грезитъ тоска,
какъ змѣй лукавый.
Имѣя вѣчную кошачью любовь,
Полземъ мы, скорбимъ и проливаемъ кровь;
Ни мало не щадивъ, мы погубляемъ время,
И вмѣсто счастья — одно находимъ бремя.
Для удовольствій гдѣ сооружали храмъ,
Насъ истинное зло срѣзаетъ часто шамъ;

Сердцѣ пронзаетъ вѣ насъ всегда
 змѣино жало ;
 Мы часто скиптръ клянемъ , подо-
 бно какъ орадо.
 Страхъ , оный мразъ души ; какъ
 огонь палящій , гнѣвъ ;
 И безъ могущесства драконовъ мспя-
 щій зѣвъ ;
 Огонь нестерпѣнїя ; ушѣхъ цѣна
 драгая ;
 Ревнивость , коя бдитъ спокой-
 ствія не зная ;
 Скорбь ; бремя праздности ; шерза-
 нїе вѣ любви ;
 Неудовольствїе ; волненїе вѣ крови —
 соломенныхъ сіе все крововъ убѣ-
 ташъ ,
 И вѣ гордыхъ высокои чернотахъ
 сбишаешъ .
 Еще всѣхъ болѣе шерзаетъ
 совѣсть насъ .
 Мы чувствуя вѣ себѣ ея ужасный
 гласъ ,

ВѢ душѢ своей никакѢ не можемѢ
зрѣнь спокойства,
Но повсегда онѢ ней исполнены
разстройства;
Ни власть, ни вѣчное забвеніе
Творца,
Не можемѢ свободить онѢ язвѢ ея
сердца.
ГласѢ спрашвыи совѣсти повсюду
проникаетѢ,
И ЦарскихѢ даже онѢ черноговѢ
достигаютѢ:
Одѣный пурпуромѢ ОктавіинѢ су-
пругѢ
ИмѣетѢ ропошныи волнующійся
духѢ,
И — сколь ни сидитѢ среди глу-
бокой ночи
Десницею своею закрытъ онѢ спра-
ха очи —
Отверзши челюсти онѢ видитѢ
вѣчныхѢ мукѢ.
За беззаконія онѢ злобныхѢ ад-
скихѢ рукѢ.

Всѣхъ пугарей чувствительныхъ
 прекраснѣйшее тѣло,
 То, въ коемъ прежде зло и мѣста
 не имѣло,
 Послѣдую души, по тѣсной связи
 съ ней,
 Премину чувствующій въ невинно-
 сти своей.
 Творца образа доселѣ бывъ до-
 стойно,
 И совершенствуя само въ себѣ спо-
 койно,
 Безсмертнымъ зрѣлося тѣлесно
 существо;
 Единство было щипъ, невинность
 врачество.
 Почти, или совсѣмъ бывъ до сего
 безсмертно,
 Блаженства было лишь участнымъ
 не навѣрно.
 Со дней паденія часовая стрѣла
 По кругу времени пушъ скорый
 обрѣла;

Стремленіе людей къ убійству имѣ
подобныхъ

Нашло гуду въ поляхъ, горахъ
мешаллородныхъ,

Чребъ крапкой жизни срокъ сугу-
бо сократишь,

И населенный міръ въ пусыню
обратишь;

Смерть, скорбь, болѣзнь изъ нѣдръ
глубокихъ изрывающъ,

Презозянъ чрезъ моря и въ грады
собщающъ.

Роскошная рука изъ многихъ
сладкихъ яствъ

Готовящая снѣдь для чувствен-
ныхъ пріятствъ,

Не снѣдь готовишь, ядъ для нѣла
вредоносный,

Для самыхъ здравыхъ силъ ядъ
злѣйшій и несносный.

Житейскихъ червь заботъ, невид-
имо таясь,

Изсасываетъ сокъ цѣлительный
изъ насъ;

Топи́тъ огонь, Венера чпо мгновенно
вспламеняетъ,
Соспавъ нашего всѣ силы разно-
чаетъ;
Исплѣвѣ, и къ старости прислѣв-
ши сей составъ,
Страдаетъ, мучишся, блаженство
потерявъ,
Потомъ ко древнему спокойству
поспѣшаетъ,
И въ мрачный гробъ себя охотно
повергаетъ.

Духъ, удалившійся отъ прес-
лестней земныхъ,
Преславъ во мракъ быти — пре-
славъ быти жершвой ихъ,
Вступаешъ въ новый мѣръ — вдругъ
отверзаешъ очи,
И видишь царство тамъ мрачне
черной ночи —
Объемлешъ страхъ его — не дви-
женъ — молчишь,
На образъ тучности лишь своей
глядишь.

Честь, слашюлюбіе, мечпы, сре-
бро, забавы,
Которыхъ слушалъ онъ вседневныя
уставы,
Блужденіе, слѣпоша въ умѣ, при-
творный стыдъ,
На кои пёрся онъ на швердый яко
щипъ,
Ученіе, чины — его все остав-
ляепъ —
Едино чувство въ немъ лишенія
обитаепъ.
Что онъ любилъ, ему то кажепъ
гнусный видъ;
Что прежде презиралъ, то нынѣ
важнымъ чшпшъ.
За каждый въ жизни часъ, кой
осрамлялъ грѣхами,
Онъ заплашилъ бы здѣсь страда-
нія лѣпами,
Когда бы паки могъ въ жизнь пре-
жнюю вступишь,
И драгоценную потерю возвратишь.
Ж

Святая истинна бывъ въ мѣрѣ за-
глушенна,
Въ пущыни сей отъ всѣхъ сомнѣ-
ній очищенна,
Отъ всюду мещетъ свой величе-
ственный свѣтъ,
И въ ужасы его тѣсенскія влечетъ.
То благо, коимъ онъ пренебрегалъ,
гнушался,
То зло, къ которому доселѣ при-
лѣплялся,
Представившись предъ нимъ по-
гибелью грозящъ,
И горькимъ пламенемъ раскаянья
палящъ.
Несчастія его, сираданья беско-
нечны;
Онъ есть и мучимый и самъ му-
чителъ вѣчный. —
О! сколь по истинѣ родъ
смертныхъ шѣхъ блаженъ,
Кой міромъ будучи осмѣянъ и
презрѣнъ,

Стараеся збѣгать свой разумъ не
мечшами,
Но размышленія достойными ве-
щами,
И полагая на внутренній свой
гласъ —
Для пользы нашей же зовущій къ
страху насъ —
Хранишь его уснавъ за свято по-
читаетъ,
И должностн свои прилѣжно ис-
полняетъ!
Пусть поношеніе, пусть мѣръ и
ревъ спрасней,
Пусть бѣдностъ самая здѣсь няго-
шнѣ людей;
Но сколь же иѣкогда пріятно пре-
мѣнишся
Ихъ горькая судица, какъ чисный
свѣтъ явишся;
Когда ихъ будетъ духъ доволенъ
самъ собой;
Страданія прейдутъ во сладость
и покой,

И бывши въ тишинѣ, и прилѣпя-
ся къ Богу,
Ко благу вѣчному пріобрѣтутъ до-
рогу!

Но между тѣмъ сей міръ есть
собственностью зла —
Увы! къ тому ль его Премудрость
воззвала? —

Благополучіе насъ рѣдко посѣщаетъ:
Единъ изъ тысячи его здѣсь до-
стигаешь.

Во благѣ временномъ спокойство
не живешь:

Оно лишь скорбь одна — въ немъ
совершенства нѣтъ. —

Великій Егова, на облакахъ носимый,
Исполненъ милости и въ правдѣ
всюду зримый!

Дерзнетъ ли спросить швореніе
Тебя,

Какъ можешь Ты взирать на муки
насъ любя?

Уже ли бѣднѣе чадѣ Твоихъ Те-
бѣ прїятна?

Уже ль слеза Тебѣ, молишва ихъ
не внятна?

Уже ль любовь Твоя была изнѣжена?..

Уже ль могущая десница не сильна?..

Но еслили оный мїръ не могъ быти
свободенъ

Никакъ отъ зла сего — почтожѣ онъ
сътворенъ?

Почто, о Боже! Ты небытіе прер-
валъ,

И къ лютой горести, къ мученью
насъ воззвалъ? . . .

Сокрыты благости Твоей пу-
сти, сокрыты;

Не можно ихъ познати — мы слѣ-
попой покрыты.

И такъ дерзнешъ ли умъ, по сла-
бости своей,

Тебя, Владѣ! порицати въ премуд-
рости Твоей?

Нѣшь! можетъ быть, что лучъ
сїяющей опѣ вѣка —
Лучъ самой истинны очистишь
человѣка;
И можетъ бышь — когда преобра-
зимся мы —
Она насъ изведетъ изъ горестныя
пѣмь,
И по спраданіи — здѣсь кое ощу-
щаемъ —
Сколь близокъ къ намъ Господь,
сколь милосердѣ, познаемъ.
Вкусивши горькіе пороковъ сихъ
плоды,
И усмотрѣвши къ нимъ опасные
слѣды,
Врагами наконецъ мы оныхъ учи-
нимся,
И къ совершенному добру всѣ обра-
тимся.
Богъ къ нашей можетъ бышь пре-
клонишся мольбѣ,
И привлечетъ насъ всѣхъ въ объа-
тія къ Себѣ;

Найдемъ блаженство въ Немъ,
любви Его ввѣряясь,
И будетъ все во всемъ Единымъ
управляясь.

Хоть правосуденъ Богъ, но
вмѣстѣ Онъ и благъ:
Не хочетъ быти намъ въ муче-
нїи — бѣдахъ;
Онъ смерти грѣшника не терпитъ,
не желаетъ,
И плѣные мертвое въ живыхъ пре-
обращаетъ.
Быть можетъ — щастїе избран-
нѣйшихъ онъ въкъ
Замѣной есть тому, что терпитъ
человѣкъ.
Нашъ мїръ когда сравнимъ со всею
глубиною,
То будетъ онъ ничто, какъ ка-
плею водною;
И онъ - то, можетъ быть, шакъ
Богомъ сотворенъ,
Чтобъ былъ отчизной зла, и пре-
вращался въ плѣнь.

Сѣмъ плывущія по воздуху громады,
Неизчислимыя возженные лампады
Снолицей могутъ бысть священ-
нѣйшихъ духовъ,
Гдѣ царствуешь добро, какъ без-
дны здѣсь грѣховъ.
Сей малый въ мірѣ пункиѣ, шва-
рами населенной,
Ко совершенству еси удобенъ всей
вселенной.
За всю вселенную едину часнѣ
принявъ,
Просиранства же ея умами не по-
знавъ,
Сей зримый нами мірѣ оиѣ про-
чихъ отдѣляемъ,
А такъ оиѣ точки лишь о дѣ-
ломъ заключаемъ.
Спасишеть, Царь и Богъ чрез-
мѣрно любящъ насъ;
Кто свой сославъ позналъ, о смер-
тные! изъ васъ?

Чѣго недоспаетъ въ немъ для
увеселенья,
Для нашихъ выгодъ, нуждъ и на-
слажденья?
Смотрите въ силахъ связь, согласіе
и строй,
Какъ каждый членъ спѣшилъ отъ
должности къ другой;
Какъ дѣйствуетъ языкъ, какъ
мысли изъясняетъ,
И внутренность въ себя какъ воз-
духъ принимаетъ;
Какъ каждая тѣла часть печется
въ насъ самихъ
Не токмо о себѣ, но также о дру-
гихъ;
Какъ сердце нѣжное отъ мозга духъ
пріемлетъ,
А мозгъ невидимо отъ сердца кровь
заемлетъ.
Въ самой вселенной сей такая связь
и строй,
Что каждая вещь нужна для бытія
другой.

Колѣноу ченіе въ насъ силы оживляетъ ,
Хранишь ошъ гнидѣши и бодрость
сообщаешь.
Негодные пары, шая щіеся въ насъ,
Сквозь малы скважинки изходящъ
каждый часъ ,
И словомъ : зданіе всей внутрен-
ности нашей
Должно быть образцомъ науки вы-
сочайшей.

Но шѣло, оное вмѣстѣ лище
червей ,
Богъ можетъ ли сравнить съ без-
смертною душой ?
И можетъ ли его, со всю красо-
тою ,
Великолѣбіемъ и чудной лѣпоною,
Возвысить такъ , чинѣтъ духъ въ
злѣшасній сирадалъ ,
А сей пракъ благо бы и шасные
ощущалъ ? . . .

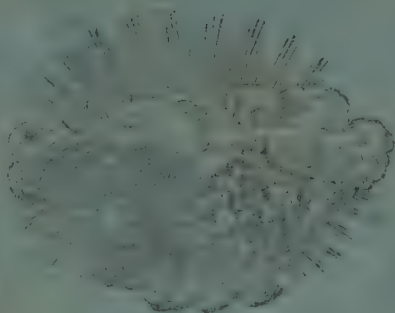
НѢШЬ, Боже мой! вездѣ Ты въ
 благосини намѣ явенѣ;
 Вездѣ Ты въ милостяхѣ, великѣ и
 препрославленѣ;
 Вся швердѣ небесѣ, земли, вся
 шварь Тебя пошѣ,
 Являя на себѣ любовь Твою и свѣпѣ.
 Та благоспѣ, кою вранѣ и каждый
 червь прѣемлешѣ,
 Та благоспѣ и людей конечно не
 отвергнешѣ.
 Коль въ маломѣ Ты великѣ шво-
 реніи Своемѣ,
 То какѣ же мы Тебя въ великомѣ
 наречемѣ?
 Неблагодарный рабѣ сего не пони-
 маешѣ,
 И сомнѣваться въ оемѣ единѣ лишь
 онѣ дерзаетѣ.
 Твори же, Господи! угодно что
 Тебѣ,
 Твори и управляй, обѣмля все въ
 Себѣ:

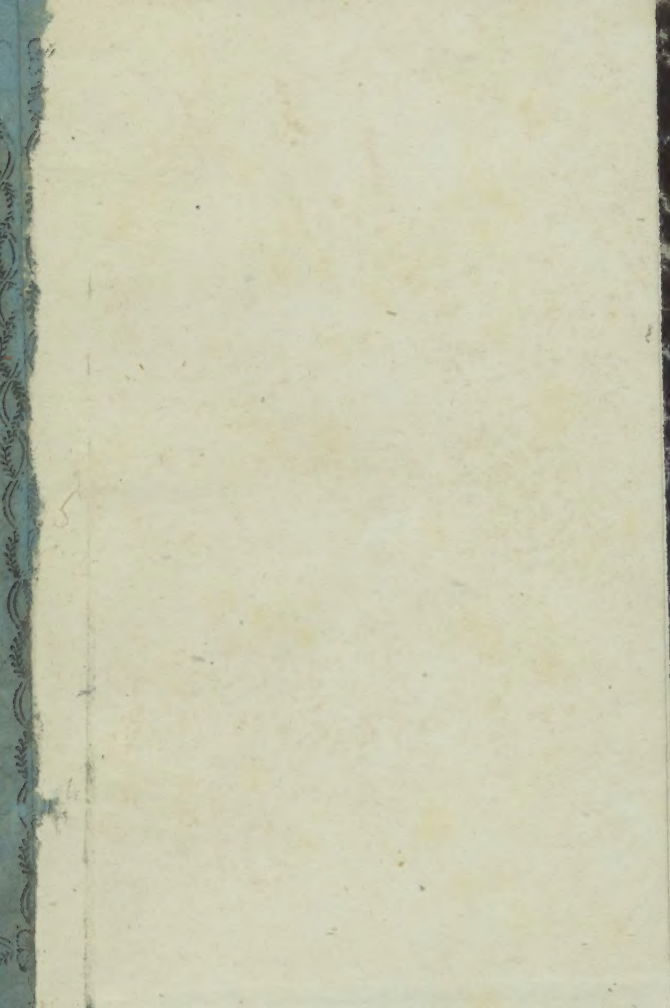
Законъ Твой праведенъ, и воля со-
 вершенна;
 Отъ мудрости Твоей неправда
 удаленна;
 Погрѣшностей въ Тебѣ, ошибокъ
 нѣтъ совѣтъ;
 Отъ вѣка силенъ Ты и совершенъ
 во всемъ.
 Когда нашъ слабый духъ усилен-
 ный грѣхами,
 Скрыжаль своей судьбы увидитъ
 предъ очами;
 Когда Твой узримъ свѣтъ въ би-
 шеляхъ священныхъ;
 Когда покажешь намъ причины
 дѣлъ Твоихъ:
 Тогда, о Боже нашъ! всѣ истинну
 познаютъ,
 Поклоняясь Тебѣ, Тебя облобы-
 заютъ;
 Познаютъ Твой совѣтъ, и узрятъ
 наконецъ,
 Сколь правосуденъ, благъ, пре-
 мудръ и святъ Творецъ!
 К о н е ц ъ.

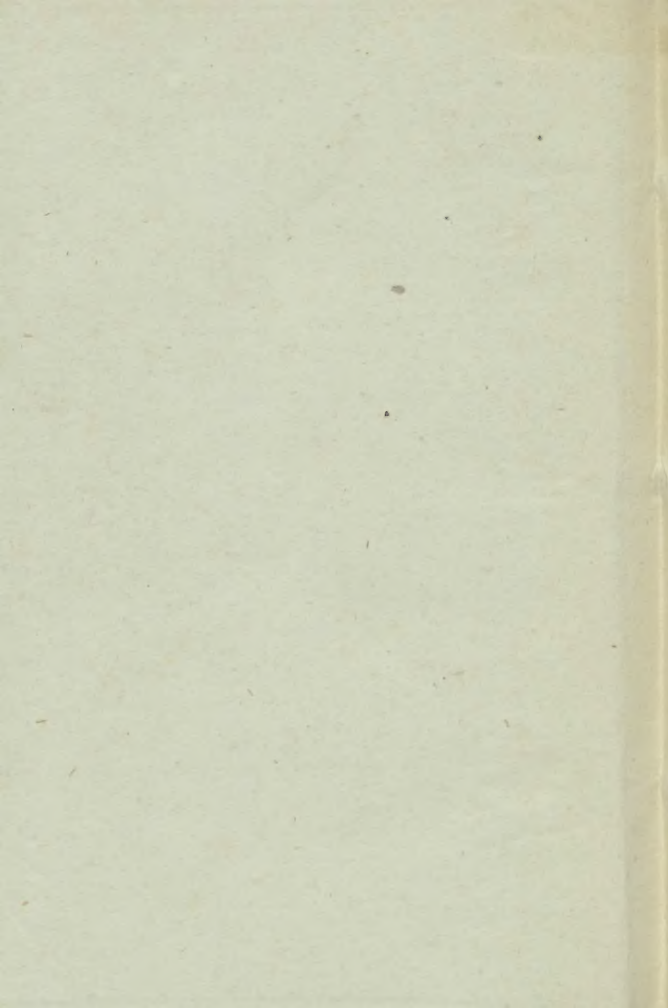

6862.
1889.

РНБ РУССКИЙ ФОНД

18.197.3.25